

Виктор Иванов

**ДЕВУШКА
С ЗЕЛЕНЬМИ
ГЛАЗАМИ**

Виктор Иванов

Девушка с зелеными глазами

«Издательские решения»

Иванов В. И.

Девушка с зелеными глазами / В. И. Иванов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906474-5

Эта повесть возникла как обобщение заметок в записных книжках, которые автор вел на протяжении всей своей жизни. Детство, первая любовь и первая девушка с зелеными глазами. Нервное расстройство, связанное с неординарными и порой трагическими событиями в жизни сестры и её дочери. Жизнь во сне и наяву. Поиски клада с картиной Шагала. Работа в Алжире и путешествия по европейским странам. Размышления и рассказы о людях на фоне исторических событий в великой, ныне распавшейся, стране.

ISBN 978-5-44-906474-5

© Иванов В. И.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Начало	6
Глава 2. До того	9
Глава 3. Вторая встреча	12
Глава 4. До того. Первая любовь	17
Глава 5. 2010 год. После очередной парилки	19
Глава 6. Сестра	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Девушка с зелеными глазами

Виктор Иванович Иванов

*Небрежен ветер. В мудрой книге жизни
Мог и не той страницей шевельнуть.
Омар Хайям*

© Виктор Иванович Иванов, 2018

ISBN 978-5-4490-6474-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Начало

За несколько дней до Нового года выпал снег. Я медленно ехал по неубранной дороге к загородному дому. Мы договорились встретиться там в девять и, даже при такой небольшой скорости, я должен был приехать минут за пять... десять до девяти. Дорога была свободна. Я уже отъехал от города достаточно далеко и не встретил ни одной машины. Только белый, белый снег, мелькающие деревья и кусты вдоль дороги и ничего больше.

И вдруг, как мне показалось, из сугроба появилась фигура человека невысокого роста во фраке и черном цилиндре. В руках он держал черный сложенный зонт, которым, как милицейским жезлом, показал, чтобы я остановился.

– Куда же это он собрался? – подумал я. До дачи еще час езды, и по пути ни одной деревни, только лес и лес, а дальше то и дороги практически нет.

– Не мерзнешь в такой одежде? – спросил я.

– Ничего, мы уже привыкли к вашим морозам.

– Куда едешь?

Он удивленно, как мне показалось, посмотрел на меня, уселся на правое сиденье и положил руку мне на колено. При этом я почувствовал легкий укол и последнее, что я услышал:

– Не беспокойтесь, я сам поведу. Вам нужно искать девушку с зелеными глазами и маленьким козленком на руках.

Надо сказать, что со сном у меня все в порядке, но есть одна особенность. Проспав минут двадцать, я просыпаюсь, чтобы покурить, курю в полусне и быстро засыпаю снова. Так и в этот раз. Я очнулся от сна и вышел из машины. Место мне показалось знакомым, однако вдоль дороги на обочине стояло около десяти машин. Все они были черные, пустые, такие же, как и мой «Форд». Такого скопления машин в нашем глухом краю я не видел никогда. Странно, но я не почувствовал никакого беспокойства. Машины еще продолжали красть и грабить, но только не в здешних местах. Было очень темно и тихо, только в одном месте, за деревьями горел костер. Я закурил и сделал несколько шагов в этом направлении. В просвете между деревьями, действительно, был виден костер и люди, очень похожие на моего спутника, – все в черных фраках и шляпах. Я прислушался. Они активно размахивали руками и открывали рты, но звука не было.

– Что за чертовщина? – подумал я и тут же почувствовал, что засыпаю, и быстренько побежал к машине.

Когда я снова открыл глаза, то увидел, что машина моя стоит возле ворот дачи. Часы показывают без пяти девять. Двигатель работает на малых оборотах. Все обстоит так, как будто я только что подъехал и ничего странного со мной за это время не произошло.

Я заглушил двигатель и через открытую калитку прошел на территорию дачи. Внутри ограды находились три небольших домика и сарай, в котором хранились садовый инвентарь и дрова для двух печек. По дыму из труб я определил, что печи уже давно затоплены. Я поздравил хозяев и гостей с наступающим Новым годом и занялся обычным делом, которое мне поручили выполнять еще во время перестройки купленного в деревне дома. Так уж сложилось, что тогда по неосторожности мне доверили приготовление шашлыков, хотя опыта в этом деле у меня практически не было. Но я старался и потихоньку вместо подгоревшего на костре и высушенного мяса у меня начали получаться сочные куски свинины или баранины, которым специи и запах дыма придавали удивительный аромат, и, естественно, под водочку и после бани они казались необычайно вкусными.

Несмотря на наличие двух достаточно хорошо оборудованных и обставленных домов, основные события во время подобных приемов проходили в бане, где находились парилка, маленькая раздевалка и достаточно большая неотапливаемая веранда с громадным дубовым

столом, за которым могло поместиться десять, а то и двенадцать человек. Ох, баня! Баня! Какой молодец тебя придумал на радость русскому человеку? Никакие римские, японские и финские бани не доставят такого удовольствия и наслаждения, как парилка с березовым или дубовым веником, когда отключенные от внешнего мира и разморенные горячим паром обнаженные люди лупят себя этими вениками. И после этого наступает блаженное состояние души и тела и все присутствующие чувствуют себя как родные. А какие беседы ведутся в перерывах! А какие тайны и откровения! Все это невозможно представить. Стоит только попробовать один раз, а после второго уже невозможно отказаться, когда тебе говорят:

– Приезжай. Сегодня я вытоплю баню.

Итак, я занимался приготовлением шашлыков, большинство гостей ушло смотреть телевизор, Матвей с сыном сидели в своей новой машине, а хозяйева дачи и Галина, моя жена, что-то обсуждали около домика для гостей, который находился метрах в тридцати от бани. Было тихо, только раскаленные угли потрескивали в мангале, когда на них падали капли жира. И вдруг я услышал душераздирающий крик:

– Баня горит!

Я посмотрел в сторону бани и увидел, что возле трубы слева поднимается из языков пламени густой черный дым. Боря с Любой уже бежали к бане, я кинулся вслед за ними, моя жена куда-то исчезла.

В потолке предбанника был небольшой люк. Лестницы не было, только под люком стояла маленькая пластмассовая тумбочка. Подбегая к бане, я услышал треск, а потом увидел эту развалившуюся под весом Бориса тумбочку, от которой он все-таки успел оттолкнуться и зацепиться локтями за края люка и сейчас висел в его проеме, отталкиваясь ногами от несуществующей уже тумбочки. Если бы не паника, то это было бы забавно. Стокилограммовый атлет, размахивающий ногами в поисках опоры. И опора нашлась. Первое, что попало под его ногу, была моя скула. Неприятно, но не до этого. Уже Люба ухватила за другую ногу и пыталась затолкать мужа в люк. При этом она постоянно кричала:

– Матвей! Матвей! Матвей! Где же ты?

Я тоже сумел уцепиться за другую ногу, и, наконец, Борис оказался на чердаке. Слава богу, что воды, которая находилась рядом в парилке, было заготовлено много. Я таскал воду ведрами, а Люба схватила сорокалитровый бидон с водой и непонятно как без моей помощи сумела поднять и подать его наверх. Неизвестно, сколько прошло времени, но огонь мы потушили. Подошли соседи, но помощь уже была не нужна. Они сообщили, что вызвали пожарников, которые достаточно быстро приехали и уже подходили к бане.

Больше всех в этой истории пострадала моя жена. Оказалось, что, когда мы кинулись к бане, она побежала поднимать на помощь соседей и в панике забыла о свирепой овчарке, привязанной на цепи около их дома. Овчарка, видимо, не разобралась в сложившейся ситуации, увидела бегущего и кричащего человека и честно, как мы потом решили, выполнила свой долг. В результате на ноге Галины появились четыре глубоких отметины от зубов и два месяца незапланированного лечения.

Матвей пришел, когда уже все закончилось. Его машина стояла за оградой и какой-то человек, проходящий мимо, сказал ему, что у нас баня горит. Он не поверил, подумал, что его хотят обмануть, чтобы украсть машину или что-нибудь из неё, дождался, пока он ушел, не торопясь, запер двери машины, включил сигнализацию и только потом пошел на территорию дачи.

Пожарники посмотрели, поговорили о причинах пожара, показали очаг возникновения огня и уехали, сказав напоследок:

– Ещё можно попариться. Пар от камней при этом пропитает доски и предохранит их от нового возможного возгорания.

Мы так и сделали после того, как с потолка перестала литься вода и все более или менее успокоились, решив – не отменять же праздник из-за какого-то маленького пожара.

После третьей рюмки я попытался рассказать о том, что меня по дороге к даче остановил какой-то странный человек в черной шляпе с черным зонтом, и я уснул, а потом он исчез, а когда я очнулся, то машина стояла перед воротами дачи. Однако, увлеченные воспоминаниями о пожаре, люди не обратили на мой рассказ никакого внимания, и только жена сказала:

– Это тебе, видимо, после вчерашней корпоративной вечеринки черные люди мерещатся. Поменьше пить надо.

Было обидно, но я промолчал и больше не вспоминал об этом до тех пор, пока они не появились снова, а это случилось буквально через несколько дней.

Глава 2. До того

Последнее время меня одолевают воспоминания. Я далек от того, чтобы анализировать многие неоднозначные события, которые произошли в нашей стране и в мире за мою жизнь. Только факты. Неординарные события и поступки. Такое эпистолярное послание к самому себе. Размышления о том, что происходит с людьми на фоне истории. Чуть было не написал «с простыми людьми». Не бывает простых людей! Есть люди одаренные, талантливые, везучие, несчастные. Есть богатые, бедные, молодые. Есть старые, капризные, равнодушные..., но нет людей простых. Каждый человек – это целый мир эмоций, переживаний и тайн, свойственных только ему. Конечно, о великих и известных людях легче писать, особенно им самим, ведь они не живут на фоне истории, а творят эту самую историю, правда, достаточно часто не очень-то удачно.

Первое яркое воспоминание о своем детстве – это переезд из деревни в город. Мы ехали на телеге, к бортам которой были привязаны корова и собака. Кошку я держал на руках, а моему брату поручили охранять кур, которые сидели в наскоро сделанных клетках и постоянно кудахтали. Примерно через два часа после начала нашего путешествия одна из куриц выбралась из клетки и убежала в поле. Мы довольно долго пытались поймать её, но она все время удидала. Тогда отец отпустил собаку с цепи. Собака мгновенно настигла бедную беглянку, задушила и принесла к телеге. Странно то, что собака и куры раньше мирно жили в одном сарае. Куры не боялись собаки, она не трогала их. Видимо, её заразил азарт погони, сработал древний инстинкт. Короче говоря, все закончилось плохо не только для этой курицы, но и для самой собаки. Дело в том, что после этого случая наша овчарка начала душить наших же кур. Как ни пытался отучить её от этого занятия мой отец, она не унималась. Он уговаривал, грозил, бил, привязывал на короткий поводок. Все было безуспешно. От собаки пришлось избавиться. Её повесили за сараем. Это была первая несправедливость, которую я пережил. Я стонал и плакал, катался в истерике по полу и говорил: «Лучше бы я умер, чем так жить».

Время многое лечит. Конечно, я успокоился, но чувство растерянности и невозможности исправить совершившуюся несправедливость преследовало меня всю жизнь. Может быть, поэтому мне никогда не хотелось иметь собаку в доме, а кошек я не люблю.

О Петропавловске, в котором поселилась наша семья, как о городе впервые упоминается в 1822 году при разделении Сибири на Восточную Сибирь и Западную. Ранее, в середине восемнадцатого века, для защиты от набегов кочевых народов Средней Азии был выстроен ряд крепостей, причем крепость Святого Петра была одной из главных. Калмыки и киргизы Средней Орды в это время делали постоянные набеги на оседлых жителей, захватывали их и уводили в плен для продажи в рабство в Хиву, Бухару, Коканд и Ташкент. Место, выбранное для крепости Святого Петра, оказалось удобным для торговых сношений, поскольку через него проходил обычный путь караванов из Средней Азии. Постепенно на берегу реки Ишим расселилось смешанное население из переселившихся в пределы России бухарцев, ташкентцев и наехавших из внутренних губерний татар и русских.

С конца восемнадцатого века и практически до начала второй мировой войны население города постоянно пополнялось за счет остающихся на постоянное место жительства политических ссыльных. Как правило, это были высокообразованные, интеллигентные люди – врачи, учителя, инженеры. Многие из них преподавали и в той школе, которую закончил ваш покорный слуга, с глубокой благодарностью вспоминая прекрасных учителей русского языка и литературы, географии, математики и ботаники.

В 1942 году в Петропавловске был создан военный госпиталь, в котором лечились фронтовики с тяжелыми ранениями. Наша семья в это время жила в двух комнатах одноэтажного

семиквартирного кирпичного дома с башенкой на крыше для флагштока. В подвальном помещении, вообще-то говоря, не приспособленном для жизни людей, поселилось несколько бездомных семей. Как они там жили в суровые сибирские зимы, мне непонятно до сих пор. Среди прочих там находился одинокий человек, бывший моряк, которому после тяжелого ранения удалили в городском военном госпитале ногу. Ему некуда было уехать, поскольку та часть Украины, где он родился и вырос, была ещё оккупирована немцами. Летом он практически целыми днями сидел на лавочке под нашими окнами с гармонью, на которой достаточно неплохо играл, когда около него появлялись люди. Это был веселый, жизнерадостный человек, уверенный, что ему повезло, хотя он и остался без ноги. Как это произошло, моряк часто рассказывал тем, кто хотел его послушать:

– Я был стрелком на морском охотнике. Тесная бронированная рубка и скорострельная пушка – мое рабочее место. Однажды нас атаковали «Мессеры». Было очень жарко. Я открыл бронированную дверь и высунул в проем двери ногу. Стало немного легче дышать, но при очередном заходе самолета две немецкие пули попали именно в то место, где находилась моя нога. На этом моя война закончилась, но я остался жив. И это самое главное. После этого рассказа он обычно брал в руки гармонь и пел частушки, из которых мне запомнился один куплет:

– Хорошо тому живется,
У кого одна нога.
Пару валенок не надо
И порточина одна.

Одна из моих бабушек немного умела писать и записывала в тетрадку все, что ей было интересно. Обычно, это были выписки из местных газет без каких-либо комментариев, сообщения о ценах, погоде и об интересных событиях в нашей семье. Потом этот своеобразный дневник продолжила моя мать. Часть из этих записей сохранилась благодаря тому, что однажды я их использовал для сочинения в школе на тему «История родного края. Обычно по русскому языку и литературе у меня были отличные оценки. В этот раз я получил «хорошо». На следующий день Гейла Ивановна Риганелович – преподаватель литературы – пришла к моим родителям и сказала:

– Спрячьте это сочинение подальше и никому не показывайте и, упаси бог, не говорите о том, что я его вам вернула.

Весь дневник моя мать уничтожила вместе с другими документами, когда без объяснения причин начались аресты друзей моего отца в 1949 году. В том числе были сожжены почти все старинные иконы и прекрасно выполненный плакат «Трехсотлетие дома Романовых», на котором были изображены все российские царствующие особы.

Беспокойство учительницы было, по-видимому, вызвано следующими фразами из моего сочинения:

– Начиная с 1887 года, в наш край прибыло много ссыльных высокообразованных людей. Среди них учителя, врачи, инженеры. Ссылные прибывали как при царской, так и при Советской власти. В Северо-Казахстанскую область было депортировано в начале 1944 года около 16 тысяч чеченцев и ингушей. Лишь очень немногим из них было выделено жилье. Большинство переселенцев выкопали землянки за пределами города, а потом начали строить саманные домики. Этот район горожане называли «Копай».

Только сейчас, в преклонном возрасте, мне стало понятно, насколько чудовищное преступление было совершено под руководством И. В. Сталина по отношению к целому народу. Гейла Ивановна понимала это уже тогда.

Много крови местных жителей было пролито во время революции, крестьянских и кулацких восстаний. Об этом свидетельствуют следующие записи в дневнике, которые я дословно вставил в мое сочинение:

– 1916 г. Зима тяжелая. Воз сена 5—6 рублей. 16 кг хлеба до 2р.

В связи с мобилизацией на тыловые работы возникло вооруженное сопротивление киргиз царскому указу. Восстание было жестоко подавлено, руководители заточены в акмолинскую и омскую тюрьмы.

1917 г. 15 мая открылся Съезд Крестьянских Депутатов. Съезд прошел под лозунгом «Война до победного конца». С ноября стали прибывать фронтовики. В декабре произошли аресты офицеров. Организовался революционный комитет.

1918 г. Избран Совдеп. В апреле наложена «контрибуция» на местное купечество. Национализирован банк, казначейство, промышленные предприятия. Организован отряд Красной армии. В мае произошел контрреволюционный переворот, арестован Совдеп. Августа 14 состоялось постановление следственной комиссии о передаче 57 человек деятелей 1-й советской власти военным властям для направления в Военно-следственную комиссию.

1919 г. Профсоюз рабочих и служащих уездного союза кооперативов решил праздновать праздник 1 Мая. Празднование было запрещено, 7 человек активных участников собрания было заключено в тюрьму, а через 2 месяца двое из них расстреляны. 1 мая объявлена добровольная поставка белья в армию Колчака. Увеличилось число дезертиров. Вспыхнуло восстание крестьян в селе Мариинском. Милиция и часть казаков выехали на усмирение. В мае опубликована служебная записка полковника Каратаева о расстреле без суда и следствия старост и сельских сходов за укрытие дезертиров. 19 мая уничтожено 1200 человек отряда повстанцев, сожжены их дома, имущество передано в казну. В Петропавловск прибыл карательный отряд. 27 мая опубликован приказ Колчака о расстреле без суда и следствия лиц, добровольно перешедших на сторону красных войск.

25 ноября город занят передовыми частями Красной армии.

1921 г. 24 февраля город объявлен на военном положении в связи с кулацким восстанием на севере уезда. 1 мая состоялись похороны жертв восстания на братских могилах. В августе организована комиссия помощи голодающим.

1922 г. С 20 апреля проведен трехнедельник помощи голодающим. На 15 мая голодающих в уезде более 74000 человек. Закончилось изъятие церковных ценностей; изъято золота 1 пуд 9 фунтов, 67 золотников. 17—24 декабря выездная Сессия Губревтрибунала судила участников контрреволюционного заговора. Руководители организации приговорены к расстрелу.

1924 г. В апреле голод в уезде. По данным комиссии помощи голодающим по городу и уезду голодающих 12000 человек. Многие умерли от голода.

На этом интересные записи обрываются. О дальнейших годах уничтожено всё, кроме романсов и посвящений моей маме, но это уже сугубо личное.

Глава 3. Вторая встреча

Итак, они появились снова. Все было, как и в прошлый раз. Дорога, зимний лес. Внезапное появление незнакомцев. Теперь их было двое. Два удивительно похожих друг на друга человечка, в черных костюмах старинного покроя и с черными зонтами в руках. Они молча уселись на заднее сиденье, я нажал на газ, и мы тронулись. Молчание длилось недолго. Сначала они о чем-то спорили между собой. Я это понял по красноречивым жестам и мимике. Как в немом кино, без звука. Затем один из них бесцеремонно ткнул мне зонтом в спину и сказал:

– Почему вы до сих пор не приняли никаких мер по поиску девушки с зелеными глазами?

– А почему, собственно, вы решили, что я должен этим заниматься?

– Решение было не простым. Мы изучили данные о сотнях претендентов и остановились на вас, поскольку только в ваших генах заложено непреодолимое патологическое влечение к зеленоглазым женщинам. Поэтому мы уверены, что вы никогда не бросите начатое дело на полпути до цели.

– Патологическое? Весьма странно. Ну, да ладно. И всё-таки, знаете ли, дорогой мой незнакомец, прежде чем начать поиск, нужно хоть что-то знать о цели и предмете поиска. Нужны какие-то приметы, район поиска, город или хотя бы страна. А кроме всего, нужны деньги.

– Я же тебе говорил, – вмешался в разговор второй незнакомец, – в этом мире всегда в первую очередь ищут деньги. И они, действительно, необходимы для выполнения операции. Оружие продается только нелегально, а, следовательно, дорого, билеты на самолет снова подорожали, а всем участникам нужно платить хорошую зарплату, иначе они тут же переметнутся на ее сторону.

– Зачем мне оружие? Я никого не убивал и не буду этого делать. Это не по мне. Может быть, вы все-таки сами этим займетесь?

– Нет. Мы никого не убиваем. Таков порядок и наши принципы. Только люди убивают себе подобных.

– Почему же только люди? Есть и звери.

– Конечно. Но только люди убивают не для того, чтобы питаться. Особенно, когда начнутся войны, да и сейчас – одни террористы перебили столько невинных людей.

– Насчет террористов я полностью согласен. Но это не люди, это выродки, поверившие еще большим выродкам, которые убивают чужими руками. А сами почему-то не очень стремятся взорвать себя. Одним предлагается рай на небе, а себе они его создают на земле. Во многом, видимо, виноваты разные религии. Мусульмане не любят христиан и наоборот, конечно, не все и не всегда. Евреев почему-то частенько не жалуют и те и другие.

– Поспорить и поговорить на эту тему мы еще успеем, – вмешался второй, – однако, сейчас я скажу следующее. Всё это люди. Когда рождается человек, то в его генах не заложено, кем он будет христианином или буддистом. Представьте себе, что на каком-либо необитаемом острове остались без родителей маленькие дети разных национальностей, крещенные и обрезанные, белые, черные и цветные. Они еще не знают ничего о тех религиях, которые исповедовали их родители. Пройдут годы, дети вырастут, будут жить вместе, плодиться и размножаться до тех пор, пока кто-нибудь из них не придумает религию, возможно, непохожую ни на одну из существующих сейчас на земле. При определенных условиях все остальные поверят и будут выполнять придуманные обряды и следовать им, пока кто-то другой не предложит еще одну религию, и некоторым она больше понравится, чем первая.

– А почему это необходимо – придумать религию? – спросил я.

– Да потому, что даже сейчас, в современном развитом обществе, постоянно возникают вопросы, которые научно объяснить невозможно, а на заре человечества – вопрос на вопрос – кто мы? откуда мы взялись и куда идем? Да только ли это. Вы-то сами верите в то, что бог есть?

– Верить легко – проверить трудно.

– Проверить что? Есть ли бог?

– Нет, проверить, что он есть.

– Время уходит, и мы скоро исчезнем, а сейчас нужно решить, где и как раздобыть деньги, – прервал нас первый, – у вас (это ко мне) есть какие-то варианты?

– Ну. Можно сделать пару курсовых проектов заочникам, заняться репетиторством – это сейчас неплохо оплачивается, продать машину, наконец.

– Всё это чепуха. Нужны большие деньги, а не копейки, которые вы можете заработать таким путем. Конечно, у нас есть вариант, но нужно много работать, а не сидеть, сложа руки и ждать. А вы именно так и поступали до сих пор. Под лежащий камень вода не течет. Нельзя ждать у моря погоды. Нужно стучать во все двери, и где-нибудь откроют.

– Все это красиво и правильно, но это только слова. Что конкретно вы можете предложить?

– Хороший вариант – украсть и продать железнодорожный состав с жидким топливом. Но это вам не по силам. Возможно, ... организовать маленький филиал большого банка. Да, маленький филиал. С этим можно справиться, но нужен начальный капитал. А этот капитал нам предоставит тот большой банк, которому, во-первых, нужен филиал, а во-вторых, первый вариант картины Шагала «Летающие люди», спрятанный где-то в старинном помещичьем доме деревни Грудиновка Могилевской области. На этом пока всё. Инструкции и материалы вы скоро получите.

– Вы где будете выходить? – спросил я, но не получил ответа. Оглянувшись – в машине никого не было. Машина стояла у ворот дачи.

Я немного посидел в машине. Подумал и решил пока молчать обо всей этой чертовщине.

В этот раз париться решили только мужчины: Матвей, Борис и я. Было еще несколько деревенских мужиков, но они уже хорошо поддали и, естественно, очень хотели продолжить, а сейчас обсуждали вчерашний день. Как я успел понять, позавчера они малость поцапались и в результате свернули на бок нос самому безобидному человеку Леше. Он сидел вместе с ними. Нос его был на том же месте, как и всегда. Я спросил:

– Доктора вызывали?

– Да вот он доктор, – показал Олег на сидящего рядом с ним человека и, заметив, что я ничего не понял, добавил, – мы так решили: если нос повернулся вправо, то он повернется и влево и станет на свое место. Налили Леше стакан водки, доктор размахнулся, ударил по носу в нужном направлении, и операция прошла успешно.

– Ничего себе, – сказал я, – ведь можно было вообще сломать нос.

– Да это у нас не первый случай, все было нормально и раньше.

Подошел Матвей. Я уже знал, что его футбольная команда проиграла, но всё же спросил его об игре.

– Стратегически вроде бы мы сработали неплохо, а вот тактика подкачала, не ожидали, что на первой же минуте пропустим быстрый гол.

– Хотите, я вам сейчас расскажу о стратегии и тактике? – вмешался доктор.

– Ну, расскажите.

– Вот вы говорите, тактика подвела. Нет. В наше время любой человек, если у него голова работает, может такого наворотить, что Наполеону со всеми его маршалами и не снилось. Главное, чтобы стратегию правильно определить, ну, а тактически – это уже на местах, в зависимости от обстановки – каждый сможет.

– Смеетесь. А я вот сейчас вам пример приведу. Очень даже поучительный пример и на конкретном материале. А факты, как вам, наверно, известно, вещь упрямая и, я бы еще сказал, убедительная. Работал я тогда сантехником при домоуправлении одном. Ну, работа, известно, не пыльная. Где кран потек, где батареи холодные, короче говоря, на чернила хватало. Начальник наш, правда, этим немного увлекался. Жильцы, сами понимаете, недовольны были, писали куда-то, просили, ну, а что народ просит, для него все сделают. Сняли, значит, нашего начальника и на его место нового назначили.

Пришел человек, такой молодой, красивый, за стол начальника сел и важно так спрашивает:

– Сколько домов сдают в этом месяце?

– Два, говорим, дома.

– Ну и как, подготовились вы к приему жильцов?

– Да что там готовиться, – отвечаем, – строители все готовят, а мы потом ремонтируем

– И много ремонтировать приходится?

– Да нет, так себе работенка, хорошо строить стали.

– А заработки как? – спрашивает.

– Да и заработки так себе.

Вот в этом месте он встал, по комнате походил, в окно посмотрел и в дверь выглянул, а потом и говорит:

– Теперь мы будем работать по-новому. Для того чтобы хорошо работать, нужно иметь стратегический план. Понятно?

– Не понятна, начальник, – это Абдул Муратов говорит, он у нас самый дотошный, значит.

– А непонятно, так я вам сейчас объясню. Вот дом сдают, вы говорите или два. А какая нам, рабочему классу, от этого польза? Практически никакой. У одного кран потек, у другого унитаза испортился. Мелочи! Нам нужна настоящая работа, и мы ее получим. Сейчас вот лето, тепло, жильцы в новые квартиры въезжают, радуются. А зима настанет, холодом подует, глядишь – в квартире плюс пятнадцать. Жить, конечно, можно. Но и потеплее было бы неплохо. Глядишь, и потянулись к нам жильцы за теплом. А у нас батарей нету, помочь нечем. И жильцам плохо, и нам стыдно.

Здесь, опять, Абдул Муратов встречается:

– Сейчас, начальник, пятнадцать нету, дома хорошо строят, двадцать дают, а то и двадцать пять.

– Вот я и говорю об этом. Если холодно в квартире, то и двадцать пять дадут. А это и обосновать можно. Понятно? Приходить нужно в квартиру втроем. Это действует сразу на хозяина убедительнее – не даст же он трешку на троих, верно? Потом, значит, промыли, в подвал сходили, на пятый этаж, короче говоря – тепла нет. Тогда один из вас говорит: «Можно было бы, конечно, добавить секций пять, но на складе нет». А другой человек говорит «Может, Валька продаст?» А третий на хозяина смотрит, ну, а тут уже тактика нужна, короче, или он скажет, что тот дорого просит. Или что по государственной цене тоже дорого..., в общем, хозяину нужно тепло и это можно устроить. Теперь понятно?

– Нет, начальник, непонятна. Какой-то такой хозяин придет? Один только. Или два. Остальным тепла хватит.

– Вот для этого мы и обсуждаем сейчас стратегический план. Можно, конечно, ждать у моря погоды, а можно, пока дом не заселили, и поправить в нем кое-что. Только из тех соображений, чтобы работу себе обеспечить. Без работы ни о каком тепле речи быть не может. Да и секции у нас в запасе будут. Как план? Принимается?

– Начали, значит, мы работать по-новому. И что вы думаете? Стратегия точно сработала. Если бы не Абдул Муратов, у каждого уже бы машина была.

– А что же он, ваш Абдул, не согласился?

– Да нет, согласился, только непонятно ему многое было.

Сейчас он в начальниках ходит, но стратегии никакой, опять одна тактика.

Этой ночью мне приснился сон. Маленький человек в черном сидит за столом в предбаннике. На столе остатки вчерашнего ужина. Полбутылки виски «Jim Beam» с белой этикеткой, несколько кусочков шашлыка, овощи и фрукты. Обычная картина после завершения банного дня, за исключением того, что возле тарелки с хлебом стоят непонятно откуда появившаяся фарфоровая ваза со льдом и два хрустальных стакана. Человек в черном взял бутылку, налил по четверти стакана виски, добавил в стаканы лед и торжественно произнес:

– Сегодня мы получили очень важные документы, необходимые для нашей работы. Чокнемся, поскольку у вас принято чокаться, может быть, поэтому так много чокнутых, – неудачно пошутил он – но дело не в этом. Вы, конечно, слышали о Садака банке. Именно этот банк располагает сведениями о том, что в районе деревни Грудиновка спрятан клад с картиной Шагала. Выпейте и прочтите письмо. Его написала госпожа Дворжецкая и в 1920 году переслала своей сестре в Петроград. Он протянул мне лист, похожий на пергамент. Я взял его в руки и почему-то вспомнил знаменитую фразу великого Гоголя: «Если нет почтовой бумаги – пишем на гербовой». На листе мелким каллиграфическим почерком было написано:

«Дорогая Лиза! Спешу сообщить тебе, что я сохранила и спрятала наши семейные драгоценности и одну картину Шагала. Ты, наверно, помнишь его первый опыт с летающими людьми. Думаю, что со временем эта картина будет очень дорого стоить. Возможно, её удастся вывезти из России и продать. Конечно, жалко. Столько приятных воспоминаний возникает, когда смотришь на это необыкновенное голубое небо и белые облака. Так хочется забыть все несчастья, принятые нами после революции, и полететь, как эти влюбленные на картине, в прекрасное будущее. Да, полно, будет ли оно? Надеемся и верь. Именно поэтому я пытаюсь сохранить то, что нам дорого и будет, при удачно сложившихся обстоятельствах, необходимо.

Карту я сумела переправить в Швейцарский банк. Код ты знаешь. Копию спрятала в нашем поместье в Грудиновке. Помнишь наши детские игры? Тайники и шифры, стрелки и пробелки – «начало в о для в.».

Копия нужна потому, что при этой власти выехать за границу мы с тобой, возможно, и не сумеем. Любимая моя, позаботься о моей дочери, если меня арестуют. Тороплюсь закончить письмо, вот-вот отправится поезд. Целую тебя, люблю и желаю, чтобы счастье не обошло тебя стороной. Как хочется написать: «До скорой встречи в Париже», но боюсь сглазить. Вечно твоя. Марина Д.».

Пока я читал письмо, мой ночной гость то и дело подливал виски себе в стакан и, как мне показалось, достаточно быстро хмелел. Он снял свою великолепную черную шляпу и положил ее на не очень чистый стол, расстегнул воротник ослепительно белой рубашки и произнес, немного заикаясь:

– Когда я был большим, я пил именно этот сорт виски. Многое изменилось. У нас уже давно отказались от крепких напитков. И все же этот вкус напоминает мне далекое, далекое детство, когда будущее представлялось совсем не таким суровым и скучным и, можно было позволить себе многое из того, что сейчас запрещено законом. Как видите, я немного расслабился и поэтому отвечаю на некоторые вопросы, которые непрерывно возникают в вашей голове. Марина Вениаминовна Дворжецкая была арестована при попытке перехода через границу, сослана в один из многих советских лагерей и умерла там от тифа. Её сестра Лиза вместе с дочерью Марины попала под обстрел красноармейского бронепоезда и погибла. Один из солдат при осмотре разбитого железнодорожного вагона подобрал ее сумочку, в которой было это письмо. Через много лет он стал основателем Садака банка. Это письмо он хранил всю жизнь в надежде отыскать спрятанные сокровища, но только сейчас решил действовать. Дочь попала в приют. Дальнейшая судьба её неизвестна.

В этот момент он приподнял свою шляпу и исчез. На месте шляпы стояла недопитая бутылка виски «Jim Beam» с черной этикеткой.

Глава 4. До того. Первая любовь

Что мне еще запомнилось из уничтоженного дневника – это записи об арестах друзей моих родителей в 1937 – 1938 годах, о начале войны в 1941 и о горе, которое пришло в нашу семью впервые же месяцы войны. Моего дядьку Георгия убили через несколько дней после прибытия на фронт и похоронили в братской могиле. В похоронке было написано: «Погиб при выполнении боевого задания». И только много лет спустя я встретил человека, который служил вместе с Георгием и рассказал мне о том, как на самом деле погиб мой дядька. И тот и другой были шоферами. Одному повезло – другому нет. На понтонном мосту во время переправы у Георгия заглохла машина. Немецкая разведка уже обнаружила этот понтонный мост. Начался обстрел моста артиллерийскими снарядами. Вот-вот могли прилететь вражеские самолеты. Майор, руководивший переправой, отдал приказ – сбросить машину в воду. Георгий сидел за рулем и подруливал к краю понтона. Как только колеса машины оказались в нужном месте, десяток солдат уперлись и столкнули её с моста. До последней минуты Георгий пытался завести двигатель. И он заработал. Правда, это случилось уже в момент полета машины. Водитель выскочить не успел. По рассказам сестер, он был очень красивым и интересным молодым человеком. Но смерть во время войны вообще не смотрит на молодость и красоту. Да и в мирное время она частенько забирает именно молодых и очень любимых.

В те годы к нашей семье горе прибило беженку из Польши. Это была молодая и, по моим мальчишеским представлениям, очень красивая женщина. Наверно, она была из богатой семьи, поскольку ничего не понимала в хозяйственных делах и ничего не умела делать своими руками. Перенесенные невзгоды подорвали ее здоровье. Первое время она подолгу лежала в постели и плакала. Мне навсегда запомнилось её бледное лицо с прекрасными зелеными глазами, в которых иногда вспыхивали золотые искорки. Мама ухаживала за ней, как за собственным ребенком, поила её парным молоком и кормила свежими куриными яйцами. Когда она засыпала, я садился на стул, стоящий около её кровати и подолгу смотрел, а иногда, очень осторожно, трогал её руку и прикасался к раскинутым на подушке косам. Однажды она открыла глаза и улыбнулась.

Потихоньку Ирина начала поправляться, выходить из дома и однажды встретила своих соотечественников и уехала от нас, неизвестно куда. Я любил её первой детской любовью и дал себе клятву через несколько лет найти Ирину и жениться на ней. «Мечты, мечты, где ваша сладость?».

Эта история с Ириной имела неожиданное и не очень приятное продолжение через много лет после её отъезда.

При расставании с нами Ирина подарила моей маме небольшую брошь, выполненную в виде скрипичного ключа с тремя маленькими изумрудами. Единственная драгоценная золотая вещь, которую мама хранила в течение всей жизни. Обручальное серебряное кольцо и золотая брошь с изумрудами. Они были спрятаны на самом дне нижнего ящика комода под кучей разных бумаг и тряпок. В один прекрасный жаркий летний день в дверь дома кто-то постучал. Мама открыла дверь и увидела перед собой цыганку, которая попросила попить водички, сославшись на необыкновенную жару и жажду. Конечно, мама не могла отказать и пошла за водой на кухню. Она жила тогда в однокомнатной квартире с обычной для того времени планировкой. От входной двери шел небольшой коридор в комнату, а другой коридор вел налево в кухню. Как только мама зашла в кухню, цыганка уселась в этом коридоре на пол и стала перевязывать бинтами свою отставленную далеко в сторону ногу. В это время еще две цыганки проскочили в комнату. Мать поняла, что её бессовестным способом грабят, но ничего не могла сделать, поскольку цыганка, сидящая на полу, так ловко поворачивалась на своем грязном задку, что протиснуться в комнату не было никакой возможности. Вся операция по изъятию

ценностей продолжалась не более трех минут. Цыганки сбежали, не попив воды и не сказав «спасибо». И, конечно, вместе с ними исчезли дареная брошь, обручальное кольцо и облигации третьего государственного займа, на одной из которых было написано мое имя.

Великие классики! Где вы находили благородных, вольнолюбивых цыган? Где ты, Эсмеральда? Где ты, Кармен? Или время было другое? Скорее всего, они где-то есть, однако...

Глава 5. 2010 год. После очередной парилки

В этот день среди приглашенных гостей была и давняя подруга Бориса Соня. Она славились тем, что помнила очень большое число анекдотов и умела их превосходно рассказывать. Всем хотелось услышать что-нибудь новенькое, однако женщины увлеклись разговором о каких-то неизвестных им раньше способах выращивания огурцов. Чтобы их отвлечь от этой темы я рассказал один из моих любимых старых анекдотов.

– В тюремной камере двое. Один сидит на нарах, а второй ходит по камере от стенки до стенки. Сидящий человек говорит: «Что вы ходите, ну, что вы ходите? Вы думаете, что если вы ходите, так вы не сидите?»

Соня откликнулась сразу:

– По кладбищу идут два еврея. Первый говорит:

– Вот здесь лежит Абрам Моисеевич. Он был прекрасный человек. У него было много друзей. Я бы хотел лежать с ним рядом.

– А здесь лежит Хаим Соломонович. Он был очень добрый и отзывчивый человек. У него всегда можно было одолжить денег. Я бы хотел лежать с ним рядом.

Идут дальше. Второй говорит:

– А я бы хотел лежать рядом с Сарой Моисеевной.

– Так она же еще жива.

– Вот в том—то и дело.

Затем она рассказала ещё два-три еврейских анекдота. Каждый из них вызывал одобрительный смех, поскольку исполнялись они весьма профессионально, с весьма убедительным еврейским акцентом.

В этом году в России впервые проводился конкурс «Имя России». Для многих после подсчета поданных голосов в интернете оказалось весьма неожиданным то, что первое место было отдано И. В. Сталину. И только после прекрасно аргументированной и необыкновенно выразительной речи патриарха Кирилла комиссия склонилась к имени «Александр Невский». Сталин остался на втором месте.

С этого и началась наша застольная беседа, после второго выхода из парилки.

– Вот вы, самый пожилой из присутствующих, – обратился ко мне Борис, – как считаете – это объективный выбор или очередная подстава? В интернете крутится в основном молодежь, и такой результат. А если добавить голоса ветеранов, процент голосов, поданных за Сталина, увеличился бы ещё больше?

Вопрос о Сталине для меня был очень трудный. Конечно, в бане, да после нескольких рюмок водки, я пытался как-то объяснить свою позицию, но в жизни, для себя, ответить на него определенно я не могу и сейчас.

– Что я могу сказать, как самый пожилой? Во-первых, российский менталитет всегда основывался на твердом убеждении и даже глубочайшей вере в царя-батюшку. Советская пропагандистская машина работала на высочайшем уровне. Мне было почти 14 лет, когда умер Сталин. Об этом нам сообщил со слезами на глазах на школьной линейке директор школы и отменил уроки. Многие плакали. У меня, да и у многих других, было такое впечатление, что рушится мир, что жизнь остановилась и впереди ничего хорошего не будет. Я шел домой и думал, какие слова утешения сказать матери и отцу по поводу невозвратимой утраты. Каково же было мое удивление, когда я увидел совершенно спокойную мать, которая готовила обед и спросила только одно:

– На сколько дней вас освободили от уроков?

Отец стоял в своей любимой позе, облокотившись на стол, заваленный газетами, и мурлыкал себе под нос куплет из полюбившейся ему песни:

– Если б не было мне жалко лаптей, убежал бы от жены и от детей...

– Папа! Сталин умер. Что же теперь будет?

– А, что будет? То же и будет. Пытаюсь понять, кто будет следующим Генсеком. Скорее всего, кто-то из троих: Маленков, Булганин, или Хрущев.

– Папа! Народ скорбит и плачет. Как же ты можешь так спокойно говорить, что все так и будет. Ведь умер Сталин!

– Сынок. Вам не преподают библию и это очень плохо. Это великая книга, в которой, в частности, сказано: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем». Пройдет некоторое время, и все станет немного по-другому, но в основном также. Будет новый лидер, который либо поддержит политику Сталина, либо постарается очернить её и тем самым укрепить свое положение в партии и государстве. Что было, то и будет, и нет ничего нового под солнцем.

– Понятно, что отец все правильно предсказал. Почему я сейчас вспомнил об этом? Да потому, что это единственное конкретное событие, которое связано со Сталиным в моей личной жизни. Всё остальное: пропаганда, литература, школа и прочее – так же, как и у вас.

– Можно сказать, что общество разделилось на две большие группы. Для одних Сталин – это символ великой страны, организатор промышленной модернизации, человек, благодаря которому, как некоторые считают, была выиграна мировая война с фашизмом, и, наконец, это человек, который беспощадно боролся с коррупцией и злоупотреблениями. Для других он – кровавый диктатор, уничтоживший в концентрационных лагерях около миллиона безвинных людей и подвергший репрессиям около четырех миллионов.

– Интересно, распался бы Советский Союз, если бы во главе его стоял такой человек, как Сталин? – спросил Борис.

– Все великие империи распадаются. Однако, этот вопрос интересен вот в каком плане. В свое время между Лениным и Сталиным был конфликт по поводу создания СССР. Сталин предлагал план, по которому большевистские государства должны были войти в Россию на правах автономных республик. Ленин настоял на создании равноправных федеральных республик. Сейчас многие из этих равноправных стали «незалежными». И ещё одно. Сопоставляя этих, несомненно, выдающихся государственных деятелей, нельзя не вспомнить их отношение к религии. Известно, что Ленин к духовенству не испытывал ничего, кроме ненависти. Воспользовавшись разразившимся в 1921 году голодом, он фактически разгромил Русскую православную церковь. В 1922 году был расстрелян патриарх Тихон и свыше 8 тысяч священнослужителей, монахов и монашек. Разрушались храмы, сжигались древние иконы и книги, реквизировались ценности. Об этом, в частности, есть запись в дневнике моей матери. И только в 1942—1943 годах было принято решение и признано право на существование Русской православной церкви и других религиозных конфессий.

– А что было после смерти Сталина?

– После смерти Сталина два высших государственных поста в стране были разделены. Главой правительства стал Маленков, а первым секретарем ЦК КПСС был избран Хрущев Никита Сергеевич.

– Государь у нас Никита, колбасу едим из кита, если будет Микоян, будем есть из обезьян, – вставила Соня.

– А про Сталина?

– Что-то не помню, но могу ещё про Хрущева.

– Давай.

– Удивили всю Европу, показали простоту, десять лет лизали жопу, оказалось, что не ту. Наш народ не унывает, смело он идет вперед. Наша партия родная нам другую подберет.

– Чьи это стихи?

– Не знаю. Может быть, народные. Кстати, скоро выборы – вы за кого будете голосовать?

– А разве есть варианты? О Сталине анекдоты тоже, конечно, есть. Вот один из них. Едут в трамвае двое. Первый спрашивает:

– Ты знаешь, какая разница между Швейком и Сталиным?

– Нет.

– Так вот, Швейк был умный, а Сталин дурак.

– А ты знаешь, какая разница между кондуктором и тобой?

– Нет.

– Так вот, он поедет дальше, а ты пройдешь со мной.

– Что касается стихов о Хрущеве, я тоже не знаю, кому они принадлежат, но они появились после выставки в Манеже, во время посещения которой Хрущев, не разбирающийся в абстрактном искусстве, резко выступил против ряда художников и скульпторов. В результате многим из них запретили выставляться на художественных выставках и публиковать статьи в газетах и журналах. В их числе был и всемирно известный ныне скульптор Эрнст Неизвестный, который после смерти Хрущева создал его надгробие на Новодевичьем кладбище. А ведь сначала была «оттепель». Советские люди почувствовали себя более свободными; сторонники различных мнений могли открыто их высказать; возникали откровенные дискуссии между «физиками» и «лириками»; появились художественные фильмы, правдиво рассказывающие о второй мировой войне.

– Значит, как и при Сталине, было и хорошее и плохое.

– Конечно. Так уж устроен мир.

– А что вы можете рассказать о времени правления Брежнева?

– Недавно я наткнулся в интернете на интересное мнение по этому поводу, очень похожее на анекдот. Я даже записал его в блокнот и сейчас вам прочитаю. Вот, нашел. «Через месяц после смерти Брежнева профессиональный партработник, второй секретарь Пензенского обкома партии Мясников, словно подводя итоги его правления, записал в дневнике:

Шесть противоречий социализма.

Безработицы нет, а никто не работает.

Никто не работает, а планы выполняются.

Планы выполняются, а в магазинах ничего нет.

В магазинах ничего нет, а холодильники полны.

Холодильники полны, а все недовольны.

Все недовольны, а голосуют «за».

– Вот такая была эпоха!

На этом обсуждение политики закончилось, и мы принялись за более прозаические и более приятные действия. Попарились – выпили. Ещё раз и ещё раз...

Глава 6. Сестра

Если уж пришло несчастье в семью, то оно часто повторяется и у детей, и у внуков.

В маленькой квартире Алтаевых, занимавших половину покосившегося и осевшего на один бок домика с набивными стенами, царило необычайное оживление. Дочь Ольги Петровны Наташа отмечала свое совершеннолетие. Раздвижной стол занимал все жизненное пространство комнаты, и для того чтобы сесть на стулья, стоявшие у стены, необходимо было бочком, на полусогнутых ногах, медленно протиснуться вдоль него.

Ольга Петровна, несколько смущенная обилием гостей, теснотой квартиры и сознанием того, что ее дочь Наташа стала взрослой, очень суежилась и повторяла всем входящим в квартиру:

– Извините за тесноту. Сюда проходите, здесь немножечко свободней.

Но входящие в квартиру еще не думали о квадратных метрах. Их не смущала теснота и обилие гостей. А о том, что волнует и беспокоит Ольгу Петровну, они и понятия не имели.

Наконец все уселись за стол, и первое слово было предоставлено хозяйке дома. Ольга Петровна говорила обычные в таких случаях слова о счастье и радости совершеннолетия, о том, как много прекрасного в жизни и о том, что она желает своей дочери прожить жизнь легко и интересно. Ей, правда, хотелось вспомнить об отце, оставившем маленькую Наташку в возрасте четырех лет, и о тех трудностях, какие выпали в связи с этим на ее долю, но она сдержалась, подавила подкативший к ее горлу комок и весело закончила тост:

– Давай, Наташка, и дальше расти быстро, но не торопись, а то меня догонишь.

– Что ты, мама, я еще совсем маленькая. До тебя мне расти, расти и никогда не дорасти.

Наташа чувствовала настроение матери. Но ее с самого утра сегодня обуревала неудержимая радость. Она была по-настоящему счастлива, жизнь только начиналась и дарила ей свои лучшие плоды. День был солнечный, под окном в садике распустились георгины. На день рождения пришел Валерка. Что еще нужно для счастья? А минувшая слабость матери – это пройдет, ведь кругом все так хорошо и интересно, стоит ли об этом думать. Через год она окончит школу и обязательно поступит в консерваторию. Будет выходить на сцену в длинном открытом платье, и прежде чем начать играть, она медленно приподнимет голову и отрешенным взглядом посмотрит в зал. Так, чтобы этот взгляд увидели во всей стране и, конечно, здесь в городе. Валерка, хоть и не очень любит классику, все равно будет сидеть у телевизора и смотреть, а потом, после концерта, когда ей будут дарить цветы, она увидит маленький букетик и поймет, что это от него, и для нее он будет самым дорогим. А мама, конечно, будет в зале с красивыми голубыми бусами на синем платье, и в это время приедет отец и скажет: «Какой я был глупый, простите меня, я возвращаюсь к вам». На этом ее фантазии заканчивались. Что будет дальше, Наташа представить не могла, да и не хотела. Она не знала, что у отца уже двое детей от другой женщины. Не знала она и того, что Ольга Петровна собирается выйти замуж за санитаря Володю, с которым они встречаются уже шесть лет, но квартирный вопрос и его мать не позволяют это сделать.

После первого тоста в квартире стало необычно тихо. Слышалось только постукивание ножей и вилок о тарелки, и из открытого окна доносилась нежная мелодия старинного вальса. Наташа любила, не упуская звучания всего оркестра, вслушиваться в голоса отдельных инструментов. Музыка вливалась в нее, дробилась на мелкие отдельные ручейки и снова соединялась. Чтобы стать еще мощнее и глубже.

Отведав всего, что было наставлено на столе, и немного захмелев, вся компания, за исключением Валерки и Наташи, отправилась куда-то потанцевать.

Ольга Петровна еще раньше ушла из дома, «чтобы не смущать молодежь». Возвращалась она довольно поздно. На темном ночном небе сверкали звезды и слышались звуки фортепиано.

Это Наташа, завершая свой праздничный день, самозабвенно и удивительно легко играла все, что соответствовало ее приподнятому настроению и безудержной радости, которая выливалась из нее в виде звуков, трепещущих и мерцающих в тишине теплой июльской ночи.

Увидев мать, Наташа соскочила с вращающегося стульчика, бросилась к ней и, обхватив обеими руками за шею, начала торопливо, проглатывая слова, говорить.

– Мамочка, я так счастлива, скорее бы окончить школу, я так хочу скорее получить аттестат.

– Что же случилось? Ты всегда говорила, что в школе тебе очень нравится.

– Нравится мне и сейчас, и я очень люблю свою школу и учителей. Но больше всего...

Здесь она остановилась, стала серьезной и замолчала.

– Больше всего ты хочешь поступить в консерваторию, не так ли?

– Так, но не совсем. Перед этим мне нужно сделать еще что-то очень важное, без чего я жить не смогу.

– Ну, все понятно. Ты окончательно влюбилась. Только в кого, если не секрет? Не в этого ли пижонистого парня, которого я не знаю?

– Ничего он не пижонистый, он просто из большого города и одевается лучше, чем наши ребята.

– А что же он в нашем городе делает? Он приехал на каникулы?

– Нет, он на гастролях. Он играет в группе.

– В какой группе? Что-то я никаких афиш о гастролях не видела.

– Они не в городе играют. Им в городе не дали сцену, а в парке они выступать не согласились.

– Видно, очень знаменитые артисты, что в парке не согласились.

– Мамочка, не иронизируй. И потом, разве это важно, где они выступают.

– Это, конечно, неважно. Он ведь ровесник тебе. Где он учится?

– Видишь ли, мама, ему пришлось бросить школу. Он не мог совмещать занятия в школе и игру в группе. Они часто гастрوليруют по всей стране.

– Ну ладно, доченька, может он и хороший человек, откуда мне знать. Вот окончишь школу, пройдет год, поступишь учиться, а там видно будет.

И год шел. В той же комнате, вдвоем, сидели за столом Ольга Петровна и Наташа. Еще не стемнело, но ставни на окнах были закрыты и дверь квартиры заперта на засов. На столе перед Наташей лежала раскрытая книга, но уже несколько минут она смотрела в нее и не видела букв. Как все изменилось с того дня! Как изменилась она, и как изменилась мать. Если в прошлом году она выглядела на пять лет моложе своего возраста, то сейчас – на пять старше. Десять лет за один год это слишком много. И во всем виновата только я, я и никто другой.

От этих мыслей у Наташи начинала болеть голова, она пыталась читать, но слова не доходили до ее сознания, там не было места для слов, мозг не воспринимал ничего извне, он только рождал свои мысли, неутешительные мысли попавшего в беду человека.

Ольга Петровна писала письмо своей сестре в Воронеж. В нем она просила приютить на время Наташу и помочь ей в ее болезни. Другие слова не шли к Ольге Петровне, она их боялась говорить, а не то что писать. Боялась и прятала поглубже в себя. Из-за этого письмо не получалось, и понять из него было ничего невозможно. Ольга Петровна нервничала и начинала писать все с начала.

«Здравствуй, дорогая Клава. Привет Александру Николаевичу. Клава, я прошу выполнить одну мою просьбу. Наташа сильно заболела и не может здесь оставаться. Приютите ее на время и...».

Раздался стук в дверь. Мать и дочь вскочили из-за стола и остановились в оцепенении. Этот стук напугал их, и они ждали только одного – хоть бы он не повторился. Но он повторился, и тогда Ольга Петровна шепотом закричала Наташе.

– Быстро полезай в шкаф!

По-видимому, Наташа слышала этот приказ уже не в первый раз. Она подошла к шкафу, открыла дверцу и опустилась на его пол. Ольга Петровна быстро закрыла дверцу, повернула ключ, вытащила его и спрятала у себя на груди.

– Иду, иду – крикнула она, так как стук повторился снова.

– Здравствуй, Ольга. Что это ты долго не открываешь?

– Здравствуй, Нина. Вздремнула я немного, а тут слышу стук в дверь.

– А я иду мимо. Вижу, ставни закрыты, а свет есть. Дай, думаю, зайду. Что-то вы давно у нас не появлялись. То хоть Наташка забежит, новости расскажет, а сейчас и ее нет. Кстати где она гуляет?

– Она не гуляет. Она уехала в Воронеж.

– Ну, это уже не по-родственному. Отправила дочь в Воронеж, а нам ни слова. Мы тоже что-нибудь передали бы Клавде или хоть письмо написали.

– Ты извини, но так все вышло быстро. Я тебе потом расскажу. Чайку поставить?

– Нет, я на минутку. Домой надо. Когда Наташка приедет-то.

– Да не знаю. Может, там поступать будет.

– Чего ж там-то? Ведь в Москву она все хотела.

– А кто их сейчас поймет. Сегодня одно – завтра другое. Ну, пойдем, провожу я тебя немного.

И прошло пятнадцать лет. За это время Наташа выучилась на медсестру и устроилась на работу в аптеку. Знаменитый артист Валерка навсегда исчез из её жизни, но появилась маленькая девочка Ольга, которую я безумно любил и баловал. Когда я приезжал на каникулы или в отпуск, мы с ней много гуляли, читали и придумывали разные интересные истории. Мне нравилось рассказывать ей старые сказки, и она их охотно слушала. Но однажды категорически заявила:

– Надоел мне этот Змей Горыныч и всё это старьё. Хочу про лису и ёжика в парикмахерской.

– Почему про лису и ёжика в парикмахерской?

– А он колючий, а она мягкая. Будет интересно.

У меня не было такой сказки, и пришлось её сочинить, потому что отказать этой милой девочке я не мог ни в чем.

Из записных книжек

Сказка для Оленьки

В одном лесу жили-были лиса и ежик. Лиса жила в чаще, где было потемнее, прятаться получше. А ежик около опушки леса, где света больше и солнышко пригревает.

Жили они каждый сам по себе и до поры до времени ничего друг о друге не знали. Ежик грибы собирал да друзей вспоминал. Друзей у него много было, а о врагах он только в книжках читал. Лиса в это время в чаще леса сидела – добычу поджидала. Забот у нее только и есть, чтобы вкуснее поест и в зеркало посмотреть, на себя полюбоваться. А друг у лисы самый лучший – волк! Два сапога – пара!

Собрал ежик все грибы на опушке леса и решил вглубь леса пойти. Идет по лесу песню поет.

Хорошо на свете жить,

Со зверятами дружить,

Песни петь и веселиться,

Не сердиться и не злиться.

Хорошо в лесу, тепло, сухо. Почему бы и не спеть?

Услышала песню лиса. Ну, думает, сейчас я пообедаю. Только поближе певец подойдет, я его и схвачу. Смотрит, катится по земле какой-то шарик и на спине грибы тащит. Не видела

раньше лиса такого зверька и не знала, что он колючий. Привыкла всех маленьких обижать, за настоящих зверей не считать. Прыгнула из кустов на спину ежику, да не тут-то было! Так укололась лиса, что из лапы кровь потекла. Подпрыгнула лиса вверх, что есть силы и упала на дорогу – прическу себе испортила.

А ежик и не думал, что лиса его съесть хочет. Подошел он к ней, подняться помог, пыль с лисы отряхнул и говорит сердито:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.